

ЯЗЫК РОДНОГО КРАЯ

С. Н. Смольников

ПРИСТАВ КУЗЯ, СТРЕЛЕЦ КУНАВИХИН МУЖ И ДРУГИЕ В «ИЗДЕРЖЕЧНЫХ» КНИГАХ XVII ВЕКА

В современной отечественной науке, занимающейся изучением истории русских личных имёнваний, развитие официальной русской антропонимии обычно описывается как постепенное движение от более простой системы имёнваний к более сложной и совершенной, удовлетворяющей потребностям социальной идентификации лица в масштабах централизованного Русского государства.

Историческая антропонимика наиболее ценными признаёт тексты, содержащие объёмный материал, разнообразный по составу имен собственных, поэтому основным ее источником традиционно считаются тексты переписи дворов и их жителей (писцовые и переписные книги, составлявшиеся московскими писцами по заданному стандарту). Привлечение других актов, которые наделяются статусом дополнительного источника, носит случайный и не всегда последовательный характер. Между тем без обращения к разножанровому актовому материалу вряд ли возможно составить объективное мнение о том, как формировалась модель русского официального именованья и каким оно было в XVII веке.

До сих пор в научный оборот не введен огромный массив документов различного рода, относящихся к деятельности волостных

светских учреждений (приказные и съезжие избы, кружечные дворы, кабаки, ямы) и представляющих огромный интерес для истории русской лексики, ономастики и исторической стилистики. Среди них и «издержечные» книги (или «книги денежной издержки») местных служб. Рукописные источники данного типа, относящиеся к Устюжскому, Тотемскому, Сольвычегодскому уездам, хорошо представлены в фондах РГАДА. Несколько «издержечных» книг по Устюжскому уезду за разные годы опубликовано. Все выявленные источники датированы второй половиной XVII века.

Книги «денежной издержки» включали достаточно разнообразные записи, отражающие широкий перечень дел и обязанностей целовальников, приставов и других должностных лиц волостных учреждений. Цели составления издержечных книг могли излагаться в заглавии документа, например: «Книжка Бѣлослудского стану становои издержки ... гдѣ что держали устюжским погыачим и стрелцом, приставом и всяким посланником, что приѣзжают по указу великого гсдря на стан во вес год для всяких гсдрвых и земских гдѣль» (Кн. издерж. Белослуд. 1677: л. 575 об.) или «Книга издержечная земского целовальника Василья Костромина, что издержал мирских сборных денег по мирскому веленью» (Кн. издерж. Толш. 1673—1674: л. 427). В числе расходов фиксировались затраты на выполнение различных служебных поручений, прием и содержание проезжающих, составление бумаг и др. Записи в издержечных книгах содержат немало интересной информации об организации делопроизводства, деловом обиходе, а также об отношениях между людьми.

Обычно издержечная статья включала следующие сведения: *Декабря в «» де* (указание даты записи) + *повещал* (название действия, за которое производится выплата) + *пристав Сенка* (именование лица с указанием должности) + *с празнишным рожественским* (характеристика действия) + *хоженого дано имъ* (название вида выплаты, статьи расхода) + *пять алтынъ* (указание суммы выплаченных денег). Структура издержечной статьи могла варьироваться и отличалась в документах, составленных разными людьми. Ср.: «Того ж дни имали приставы Непряха с товарищи в земскую избу, хоженого дано имъ три алтына» (Кн. издерж. Митроп. 1674—1675: л. 126 об.); «Ноября въ Е де приходил пристав Гашко Пестерев двою из Кругу для стрелецких денег, ѣзду взял гривну, у старосты ѣл хлѣба 5 вытеи. Итог 20 де» (Кн. издерж. Бор. 1673—1674: л. 458); «Декабря въ 11 день дано стрѣльцу Васкѣ Варнавкѣ на Устюгѣ отъ поноровки отъ проѣзжие памяти три алтына 2 де» (Кн. издерж.

Шемог. вол. 1667 – 1668: 213 – 214) и др.

Документы данной разновидности, несмотря на сходство целей их составления, не имели строгого формуляра. Книги включали и расходные статьи более свободной структуры, описывающие, на что израсходованы деньги: «Того дни крстьян кормил, на харчь им издержал три алтына, браги на 2 ге» (Кн. издерж. Митроп. 1674 – 1675: л. 121об.).

Содержание книг, составленных в разных волостях Русского Севера, характер записей отражают различия в ведении земских дел, разную роль уездных властей и волостных мирских сходов в их решении. Например, «Книга издержечная земского целовалника Василья Костромина, что издержал мирских сборных денег по мирскому велению» (Тотемский уезд) включает сведения о решении «мирских сходов» и именовании «мирских людей»: «Сентября въ 17 ге по гсгрву указу по наказной памяти воеводы Ѳедора Андрѣевича Квашнина за печатью, а по челобитью земского старосты Петра Анкидинова приѣздили пристав Мишка Поповъ в земскихъ денгах, что розведено в первом поборѣ по осми рублевъ на сошку. Дано ему ѣзду 5 алтнъ велели мирские люди дал Епифан Михайловъ Михаило Ребев. Да у меня ж ноч ночевал <...> жил три выти хлѣба ѣл, происти 9 ге, да платы взял 2 ге. Да приходил из Лобановские четверти земскои доivotчик Ортюшка Кишимов на Манылово с выборами рукъ прикладывал на таможенново целовалника, и вн у меня хлѣба ѣл, происти 3 ге <...> приѣздил тотемскои пристав Сенка Кожин в Маныловскую четверть з богомолнымъ наказом, что за царевну Наталью Алексѣевну Бга молил всѣмъ миром Маныловские четверти. Дано ему ѣзду на сходѣ у Николы Чудотворца на Толшмѣ 6 алтын 4 ге. Мирские люди: Давыг Титов, Оника Ѳедоров, Ѳедор Спаскои, Костентин Чюдинов, Степан Андрѣевъ. Да он у меня ночь ночевал, три выти хлѣба ѣл» (Кн. издерж. Толш. 1673 – 1674: л. 428).

В издержечной книге земского старосты стана Митрополя Устюжского уезда 1674 – 1675 годов записи отличаются большей лаконичностью. Статьи книги содержат упоминания подьячих, старост, приставов и некоторых других лиц (денщики, дворники), получающих плату за выполнение различных служебных поручений и официальных просьб: «Генваря въ 5 ге уплатил староста Иван Григорьевъ в таможене ямских денег: от записки подьячему дано Ивану Пикалеву алтынъ 3 ге, дворнику Ивашку Шельгину с товарищи алтн, коморником Огафонку с товарищи алтынъ» (Кн. издерж. Митроп. 1674 – 1675: л. 126 об.). Составитель книги не назы-

вает поименно крестьян волости, но зато указывает всех жителей воеводского двора: «Сентября въ ... *де* ходили на двор к думному дворянину и воиводѣ Ивану Ивановичу Ржевскому, били челом, старосту новово объявили, почести несли ему мѣду да колачь, дали два алтын, да генгами ему рубль шесть алтынъ В. Жене иво пять алтынъ. Сну иво Тимофию две гривны. Сну ево Ивану пять алтынъ. Племяннику иво Евъсивью три алтын две денги. Дворецкому Стефану два алтына 2 *де*. Верховым жилцом два алтын. Человѣку иво Гаврилу алтынъ. Денщику алтынъ. А старостою ходили Матвѣи Якимов, Прокопеи Трифановъ» (Кн. издерж. Митроп. 1674–1675: л. 121).

В XV–XVI веках, по мнению Б. А. Ларина, по мере усиления централизации административной системы создается единство административной терминологии и фразеологии, основных норм деловой письменности, формируется нормализованный язык московских приказов¹. Основными признаками приказного языка выступают нормированность, стандартизация, ограниченная вариативность. Соотношение приказного языка с общенародным русским языком и его книжной и устной (разговорный, обиходно-бытовой язык) разновидностями, а также определение понятия «приказный язык» стали предметом научных дискуссий. Одни исследователи считали, что *деловой язык* разных центров Московской Руси был единообразен², другие, возражая им, утверждали, что русская *деловая речь* старорусского периода не была единой, а существовала в местных (локальных) вариантах, о чем свидетельствует, например, сопоставление формуляров и лексического наполнения купчих и порядных (актов, в наибольшей степени стандартизованных), которые были составлены на территории Новгородской и Двинской земель, с одной стороны, Белозерья – с другой, московских и южно-великорусских территорий – с третьей³. Лингвистическая ценность издержечных книг определяется тем, что источники такого рода дают представление об особенностях деловой речи, существенно отличавшейся от языка московских приказов. Обиходно-деловой язык, отражаемый книгами «денежной издержки», характеризовался обилием специальной делопроизводственной лексики и в то же время был обусловлен особенностями разговорной речи.

Большой степенью терминологизации в данных текстах обладали наименования должностей (*целовальник, пристав, староста, приказный сторож* и т. д.) и документов (*проезжая память, наказная память, доправная память* и т. д.), а также названия денежных выплат обычно в сочетаниях с опорными словами *дать, давать,*

платить. Одни из них называли виды выплат, подобные современным командировочным расходам: *гать хоженного, гать проѣзду, платить езду, платить езды, платитъ проезду* (оплатить затраты, связанные с пешим перемещением или поездкой должностного лица), *гать происти* (оплатить затраты на питание). Другие называли оплату различных работ и поручений: *гать от писчего* (т. е. оплатить работу писца по составлению документа): «*Писали мирскую челобитную от всяких мирских нуж, а от писчего дали 3 де*»; *гать крюкового* (т. е. оплатить отпирание и запираание дверей на крюк): «*Да в розныхъ мѣсяцехъ и числехъ сторожамъ приказнымъ гвумъ Ивашкомъ выдavano крюкового 8 де*»; *гать от поноровки* (т. е. за содействие, оказываемое должностным лицом в решении тех или иных дел): «*Дано стрѣльцу Васкѣ Варнавкѣ на Устюгѣ отъ поноровки отъ проѣзжие памети три алтына 2 де*»; *гать от правежу* (т. е. за взыскивание денег, налогов, долгов) и др.

Анализ издержечных книг убеждает в том, что язык местного делопроизводства формировался на основе разговорно-бытовой речи. Вероятно, поэтому издержечные статьи производят впечатление семантической и структурной неполноты формул. Это свидетельствует и о специализации слов и их сочетаний. Специализация коснулась главным образом глаголов и глагольных сочетаний, таких, как, например, *стоять на правежу, сидеть за решеткой* и подобных: «*Февраля въ 25 день гдѣловалникъ Петръ Вешняковъ стоялъ передъ съѣзжей избой на правѣжу въ Московскомъ запасть: даль приставу Васкѣ Плесовскому 2 де, за рѣшеткою сѣдѣлъ в приказѣ: даль дневалнымъ 6 де, и за тѣмъ гдѣломъ жил въ приказе пять дней: спиль и съялъ на десять денегъ*» (Кн. издерж. Уст. у. 1676: 229).

Для обозначения денежного подношения вышестоящему лицу составитель книги нередко пользовался сочетаниями *гать (нести) почести* или *нести в бумажке*.

Слово *почестъ* в XVII веке, помимо прямого значения 'почитание, уважение; почестъ, почет', имело и переносное — 'угощение, подношение, подарки' (СЛРЯ XI—XVII, 18, с. 72): «*Октября въ 1 де проѣхал устюжской пристав Митка Извощиков для доправы всяких Великого гсдю четвертных денежных доходов. Почестъ ему на приѣзде дали 20 алтынъ, питья вышло с вина и с пива на 5 алтын на 4 де*» (Кн. издерж. Белослуд. 1677: л. 576 об.); «*Декабря въ 20 де как приѣхал с подьячева пристав Васка Чобыкин вмѣсто прежнего пристава Митки Извощикова для правежу. Почести ему дали 4 алтын*» (Кн. издерж. Белослуд. 1677: л. 579 об.). В сольвычегодских книгах встретилось аналогичное выражение — *нести в поклон*: «186

году сентября въ 4 де несено воюводе Роману Сергѣевичю по мирскому приговору два рубли, от поноровки ж сентября въ 17 де несено ему ж воюводе по приговору в поклон два рубли» (Кн. издерж. СВ 1677: л. 810 об.). «Почесть» могла даваться также вином и пивом: «Был пристав Ивашка Белоусов, пристав Офонка Подчеура с подьячими с Федором Переваловым. Вина и пива выпоил приставу на 2 алтынъ <...> да ему ж дали 5 алтын, чтоб пристава Офонку ему ж вина несли двѣ четверти, дано за вино полтина да пива на 10 де» (Кн. издерж. Белослуд. 1677: л. 579). «Почести» и «поклоны» отражают нехитрую систему деловой иерархии: крестьяне задабривали приставов, приставы «несли» воеводе и другим вышестоящим лицам.

Второе словосочетание, по всей видимости, называло взятку, которую добросовестный тотемский делопроизводитель фиксировал в числе прочих расходов: «Ходил к воеводѣ Федору Андрѣевичю Квашину на объявъ во двор неслъ хлѣба и колачеи на 10 де да в бумашкѣ 3 алтна 2 де, да людям его дал на вес двор 4 де <...> да ходил к Пантелѣю подьячему Тихон Чирков, неслъ хлѣба и колачеи на 3 де да в бумашке 3 алтына 2 де» (Кн. издерж. Толш. 1673—1674: лл. 428 об. — 429). Выражение *барашек в бумажке*, обозначавшее взятку, было известно и в XIX веке (Даль, I, 47).

Синтаксис издержечных статей также не был упорядоченным. Например, обращают на себя внимание разные конструкции, выражающие целевые отношения: «судья Павел ходилъ к Устюгу с уплатою»; «Да приходил из Лобановские четверти земской довотчик Ортюшка Кишимов на Манылово с выборами рукъ прикладывал на таможенново целовалника»; «шел пристав для стрелецких денег»; «пришелъ к нам в станъ Микишка Хромой да Митка Извоциковъ съ наказной памятью, чтобы деньги имь доправить»; «приходил пристав Никишка Хромой о бѣглых солдатех»; «приходили приставы для бѣглых плотников и токарей» и др. Не было единообразным и лексическое наполнение формул: «В то ж время приходил пристав Степко Кусков для пустых повытеи от писцов» (Кн. издерж. Тот. у. 1666—1667: л. 214) — «Да цѣловалникъ Петръ Михайловъ жилъ на стану три дни для сказок о пустотѣ: спил и съялъ на 10 де» (Кн. издерж. Уст. у. 1676: 229).

Особенно ярко отражают специфику источников именованя людей. Язык местных делопроизводителей не был клиширован. Это создавало условия для использования разнообразных формул именованя лиц, относительную свободу в выборе имен собственных.

Несмотря на существовавшие в разных волостях различия в ведении издержечных книг, для документов данной разновидности

характерны общие тенденции в использовании антропонимов.

Исследуемые тексты характеризуются активностью однокомпонентных и двухкомпонентных антропонимических формул, существенно отличающих книги «издержки мирских денег» 60–70-х годов XVII века от писцовых актов того времени, требовавших более развернутых именовании с включением полуотчеств, фамилий, ср.: «во дворе *Гришка Завьялов Патрушев*, у него сын Максимко, в том же дворе *Васка Феготов Патрушевых*» (Переписная книга Устюга Великого 1677–1678 г.). Трехкомпонентной формулой именуют себя и составители устюжских и сольвычегодских издержечных книг: *Иван Семенов Насоновских, Григорий Матвеев Ширяев, Тимофей Савин Агафоновых*. Минимальное использование необходимых для идентификации лица средств было обусловлено установкой документа на внутреннее служебное использование: «приставам хоженое, *Потанку* и товарищемъ, дано 8 де», «подьячему *Тарасу* яиць неслъ: дано 10 де», «стрѣльцу *Казарку* дали съ правезу 8 де» и др. (Кн. издерж. Енангской вол. Уст. у. 1669: 226).

Наибольший интерес представляют именованя приставов и стрельцов, активно использовавшие имена, производные от календарных и некалендарных антропонимов, выделяющие их в ряду именовании других лиц: «Приходили приставы с наказною памятью *Алешка Заполской, Митка Югов, Патрушка Некипѣловъ* да московской плотник *Матюшка Фоминъ* для бѣглых плотников и токарей» (Кн. издерж. Митроп. 1674–1675: л. 128 об.). Нередко приставы в издержечных книгах могли быть названы только по имени: «того ж дни имали приставы *Непряха* с товарищи в земскую избу, хоженного дано имъ три алтына» (Кн. издерж. Митроп. 1674–1675: л. 125); «имали приставы *Кузя* с товарищи по воивоцкому приказу в посошных денгах» (Кн. издерж. Митроп. 1674–1675: л. 127).

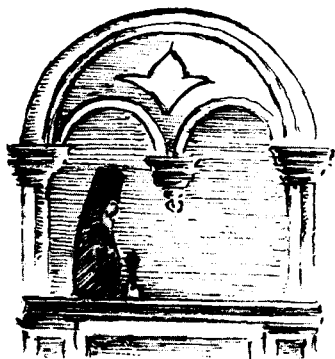
Принято считать, что называние именами типа *Ивашка, Коземка, Сенька* в документах XVII века указывало на сословную принадлежность именуемого и было характерно прежде всего для людей незнатного происхождения (крестьян, посадских людей). В издержечных книгах земских целовальников и мирских старост проявляется ролевой характер социальной оценки. «Уничжительные» имена называют в них обычно приставов, стрельцов и других подчиненных лиц, исполнявших поручения и получавших плату: «Сентября въ 14 де приходил пристав *Никиша Хромой* о бѣглых солдатах *Агѣива* полку *Шепелева* <...> приходил приставъ *Васка Плесовской* <...> Повещали приставы *Коземка* Поникаровской с товарищи с посыпным хлѣбом <...> приходил пристав *Мишка Парнеков* <...>

имал денщикъ Якуня Свинынь к воиводе на двор» (Кн. издерж. Митроп. 1674 — 1675: лл. 121 об., 123, 124, 128 об., 129 — 130, 132 об.); «Шел пристав *Ивашко* Ончуков с низу из Кругу дал ему хоженоево с Камчюги до посаду 10 де. *Гришке* Кускову дал хоженоево 4 до посаду, и де шел он из Кругу, ходил для судеи и целовалников. Шел пристав *Максимко* Бабушкин в Демьяново от писцов для гсдрва дѣла дал ему ѣзды 2 ал. 2 де» (Кн. издерж. Тот. у. 1666 — 1667: л. 210 об.) и др.

В именованіях подьячих, старост, крестьян и других «мирских людей» использовались только исходные («полные») имена. Ср.: «Того ж дни ходил *староста Иван* Туровъ да *Иван* Сыровацкой, *Прокопеи* Трифанов <...> от записи дано *подьячему Ивану* Пикалеву алтын» (Кн. издерж. Митроп. 1674 — 1675: лл. 123 — 123 об., 132); «Октября въ 25 де дано ѣзду на сходѣ на Широбокоче *Кузке* Ширшову да *Сенке* Кожину 20 алтнѣ. Приговорили мирские люди у *Ивана* Предотечи на сходѣ *Иванъ* Болото, *Осипъ* Павлов, *Василеи* Панфиловъ, *Иванъ* Дмитриев, *Мелентеи* Григорьевъ, *Костентинъ* Чюдинов» (Кн. издерж. Толш. 1673 — 1674: л. 433); «Приѣздил пристав *Якушко* Кашников из Демьянова для стрелецких денег и ѣзду ему дали до Раменья 5 алтынѣ. Были тут *Остафеи* Исаков, *Иван* Дмитрев, *Павел* Семенов, *Ларион* Никонов» (Кн. издерж. Тот. у. 1666 — 1667: л. 229 об.) и др.

Составители издержечных книг в различных учреждениях крестьянских волостей XVII века достаточно свободно подходили к записи личных именованій, следуя не писцовым стандартам, а сложившейся системе бытовых именованій, что проявлялось в активном использовании некалендарных (прозвищных) имен: «Ходил по целовалника въ деревню *Яковъ Черемной*: хоженоево алтынѣ 4 де <...> да стрѣльцу *Якунѣ* *Телепню* по старой наказной памяти отъ поноровки 3 алтына 4 де <...> приставу *Матюгѣ* *Бергу* на Устюгѣ <...> дано стрѣльцу *Васкѣ* *Варнавкѣ* на Устюгѣ <...> Приставѣ *Коза* *Зубачихин* <...> Стрѣльцы волости *Осташко* *Офонасьевъ* да *Мартыно* *Краюха*» (Кн. издерж. Шемог. вол. Уст. у. 1667 — 1668: 211, 212, 213 — 214, 215, 218); «Приходил приставѣ *Ивашка* *Непряха* с товарищи <...> Приходил приставѣ *Васка* *Мужичина* с наказною памятью <...> Приходил пристав *Кирша* *Всемирной* *Зять* з доправною памятью» (Кн. издерж. Митроп. 1674 — 1675: лл. 124, 129 об., 132) и др. «Был пристав *Ивашка* *Белоусов*, пристав *Офонка* *Подчеура* с подьячими с *Федором* *Переваловым* (Кн. издерж. Белослуд. 1677: л. 579). Включение в именованія приставов и стрѣльцов прозвищ, а

не полуотчеств и фамильных прозваний также служило средством уничижительности.

Многие прозвища имеют прозрачную внутреннюю форму (*Мужичина*, *Всемирный Зять*), понятны современному человеку. Другие же восходят к устаревшим или диалектным словам, неизвестным современному литературному языку (*Черемной*, *Телепень*, *Подчеура*, *Непряха*) или изменившим свое переносное значение в течение нескольких столетий (*Коза*, *Краюха*, *Берго*), что определяет трудность, а иногда и невозможность их однозначного толкования.

Слово *берго* в русском языке называет род гребня, которым, двигая вперед и назад, уплотняют нити при ткачестве. Прозвище *Берго* мог получить человек, который юлит, отказывается от своих слов и поступков, ср.: бердить 'подавшись вперед, пятиться, откачиваться назад, как бердо', 'пятиться от слова или дела' (Даль, I, 82).

Прозвище *Телепень* соотносится с глаголом *телепатися* 'болтаться, мотаться, качаться'. В. И. Даль отмечает слово *телепень* в значениях 'двуручный кистень, ядро на цепи', 'язык у колокола', в переносных значениях — 'болван или повеса', 'плотный, вялый ребенок' (Даль, IV, 396).

Прозвище *Черемной* восходит к прилагательному *черемной* в значении 'рыжий (о волосах)' (Даль, IV, 592).

Имя *Непряха* связано с нарицательным словом *непряха*, возможно, имевшим значение 'неряха, лентяй', фиксируемое в словаре В. И. Даля (Даль, II, 532). Этимология прозвища *Подчеура* не ясна, можно предположить его связь с псковским или новгородским глаголом *чивреть* (*чивереть*) в значении 'хиреть, хилеть' (Даль, IV, 603).

Фамилии и фамильные прозвания, отмеченные в устюжских документах, также различны по происхождению и в разной степени поддаются этимологизации.

Одни из них восходят к некалендарным личным именам, обычно дававшимся внутри семьи при рождении ребенка: *Вешняк* (*вешняк* 'ребенок, родившийся весной') — цѣловалникъ *Петръ Вешняковъ* (Росп. издерж. Уст. у. 1676: 229); *Девятка* ('девятый по счету ребенок в семье') — *Ивашко Девяткин* (Кн. издерж. Митроп. 1674 —

1675: л. 127 об.); *Дружко* (производное от охранительного имени *Друг*, *Друган* 'другой, чужой, не наш'; можно интерпретировать имя как производное от нарицательного *гружка* 'пара; одна из парных вещей'; СЛРЯ XI—XVII, 4, 364) — подьячий Афонасей *Дружков* и др.

Большая группа устюжских фамилий и фамильных прозваний произошла от прозвищ, данных человеку по тем или иным чертам внешности, характера, обстоятельствам жизни. Фамилия *Бекряшев* образована от прозвища *Бекряш*, а то в свою очередь — от нарицательного обозначения лица *бекряш*, не отмеченного в словарях русского языка. Можно предположить семантическую близость слова *бекряш* с бранными диалектными словами, в которых содержится тот же корень: *бекрень* (СРГК 1, 54), *бекеря* 'бездельник, лентяй' (АОС I, 147) — Гаврило *Бекрешев* (Кн. издерж. Митроп. 1674—1675: л. 132). Легшее в основу фамилии прозвище *Шельга* восходит к нарицательному *шельга* (*шалыга*) 'бродяга, бездельник, негодяй' (Даль, IV, 620) — дворник Ивашко *Шельгин* (Кн. издерж. Митроп. 1674—1675: л. 126 об.). Прозвище *Парняк* соотносится с нарицательным *парняк* 'отрок, юноша, молодой человек; холостой' (Даль, III, 18) и с глаголом *парневать* 'жить холостым' (Там же) — пристав *Мишка Парнеков* (Кн. издерж. Митроп. 1674—1675: л. 130) и др.

От прозвищ по названию первоначального места жительства лица *Холмогорец*, *Устюг*, *Юг* произошли фамилии *Холмогорцев*, *Устюгов*, *Югов* — приставъ Проха *Холмогорцовъ* (Кн. издерж. Шемог. вол. Уст. у. 1667—1668: 221); Проня *Устюгов* (Кн. издерж. Шемог. вол. Уст. у. 1667—1668: 223); Митка *Югов* (Кн. издерж. Митроп. 1674—1675: л. 128 об.).

Особая группа фамилий связана с названиями деревень: Иван *Сыровацкой* (Кн. издерж. Митроп. 1674—1675: л. 123 об.); приставъ Васка *Плесовской* (Кн. издерж. Митроп. 1674—1675: л. 137) и др.

К фамилиям с неясной этимологией относится фамилия *Чебыкин*: «пристав Васка *Чебыкин*» (Кн. издерж. Белослуд. 1677: л. 579 об.). Прозвище *Чебыка*, скорее всего, восходит к глаголу *чебати* с архаичной приставкой *че-/чи-/ча-* (ср. *чихвостить*, *чихвальныйся*, *чемыркнуть*, *чибесить*, *чиверзить*, *чибудкать*, *чебурахнуть* и др.), в праславянском языке имевшей негативную семантику⁴. Эта же производящая основа выделяется и в других устюжских фамилиях (*Чебаевский*, *Чебунин*). Можно предположить связь прозвища с тверским *чибать* 'задирать' (Даль, IV, 603) или псковским *чабенить* 'гнуть, ломать, коверкать' (Даль, IV, 585).

В данных источниках нередко наблюдается перестановка компонентов именованья, для писцовых книг являющаяся отступлени-

ем от принятой нормы. Иногда на первый план писцом выводились средства, более значимые для идентификации лица (некалендарное имя, фамилия). При этом менее информативное календарное имя отступало на второе место: «Дань поводили и бѣлки розрубали — кликаль *Быкъ Иванъ*: дано грошь <...> Ходиль на дворы соцкой Иванъ Зоринъ да *Косаревъ Яковъ* (Кн. расх. Шемог. вол. Уст. у. 1665—1666: 200—201); «да сторожу *Югову Ивашку* с товарищемъ дано 2 де» (Росп. издерж. Уст. у. 1676: 228). В редких случаях для именованья использовалась только фамилия: «да *Бояркину* 8 алтынъ 2 де» (Кн. издерж. Шемог. вол. Уст. у. 1667—1668: 218).

К числу отступлений от писцового стандарта может быть отнесено именованье мужчины по жене (по модели женского именованья): «Юня въ 7 день при(в)одиль стрѣлецъ *Кунавихинъ мужъ* судью и цѣловалника и крестьяны на ставку солдатов брать: дано хоженного алтынъ 4 де» (Кн. издерж. Шемог. вол. Уст. у. 1667—1668: 220).

Издержечные книги в большей мере, чем многие другие источники, позволяют описать функции антропонимов разных разрядов в именовании человека в XVII веке (календарные и некалендарные имена, фамилии, прозвища). Но не только этим определяется их огромная значимость для исторической ономастики. Официально-деловые тексты рассмотренного типа отражают особенности именованья лица в документах XVII века в целом. Система официальных имен не была упорядочена и строго регламентирована, но это не значит, что нормы официального именованья человека полностью отсутствовали. Структура именованья и его антропонимическое наполнение целиком были подчинены прагматике текста. Каждый тип документа диктовал свои принципы именованья, соответствующие целям составления текста, его месту в документообороте.

Специфика издержечных книг XVII века определялась активным проникновением в документ оценочных имен, сложным взаимодействием официального и бытового именованья человека. Разные принципы называнья лиц в издержечных книгах земских целовальников отражают идеологию должностного лица, систему социальных ролей, достаточно ярко характеризующую деловой обиход в провинциальных светских учреждениях второй половины XVII века накануне Петровских реформ, определивших становление современной антропонимической нормы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Л а р и н Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 29.

² Там же.

³ Д е р я г и н В. Я. О местных вариантах русской деловой речи XV—XVII вв. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 39. 1980. № 5. С. 448—455.

⁴ К ю р ш у н о в а И. А. Славянская антропонимия Карелии XV—XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода. Автореф. канд. дисс. Вологда, 1994. С. 9.

СОКРАЩЕНИЯ

Источники

Кн. издерж. Белослуг. 1677 — Книги «становой издержки» целовальников Белослудского стана Устюжского уезда 1677—1678 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1, Новгород. Д. 86/20. Л. 576—584.

Кн. издерж. Бор. 1673—1674 — Книга «издержечная» мирских денег земского целовальника волости Борок Тотемского уезда Артемья Андреева 1673—1674 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1, Вятка (Хлынов). Д. 6а/17. Л. 455—463, 563—567.

Кн. издерж. Енангской вол. Уст. у. 1669 — Роспись издержечная мирских денег судейке Павлу Матвееву 1669 // Акты относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией под ред. Н. В. Калачова. Т. 3. СПб., 1884.

Кн. издерж. Митроп. 1674—1675 — Издержечные книги земского старосты Митрополя стану Устюжского у. 1674—1675 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1, Соль Камская. Д. 2. Л. 121—137.

Кн. издерж. СВ 1677 — Приходные и расходные книги Сольвычегодского уезда Ратмеровской волости Большого стана земских целовальников Григория Мартемьянова Ширяева и Тимофея Савина Агафоновых 1677 г. // РГАДА. Ф. 137, Владимир. Д. 13 а. Ч. 2/8. Л. 793—816.

Кн. издерж. Толш. 1673—1674 — Книга «издержечная» мирских денег земского целовальника Толшемской волости Тотемского у. Василия Костромнина 1673—1674 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1, Вятка (Хлынов). Д. 6а/4. Л. 427—454.

Кн. издерж. Тот. у. 1666—1667 — Издержечная книга старосты Старототемской волости Тотемского у. Петра Аленева 1666—1667 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1, Соль Камская. Д. 2. Л. 207—232.

Росп. издерж. Уст. у. 1676 — Роспись издержечная приказной избы Черного стану 1676 г. // Акты относящиеся до юридического быта древней России...

Кн. издерж. Шемог. вол. Уст. у. 1667—1668 — Книга издержечная Шемогодской волости Черного стану целовальника и денежного сборщика Ивана Семенова Насоновских 1667—1668 гг. // Акты относящиеся до юридического быта древней России...

Кн. расх. Шемог. вол. Уст. у. 1665—1666 — Книга расходная Шемогодской волости Черного стану целовальника и денежного сборщика Андрея Трофимова сына Пелевиных 1665—1666 гг. // Акты относящиеся до юридического быта древней России...

Словари

АОС I – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1. М., 1980.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.

СРГК I – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1. СПб., 1994.

